

ИЗБРАНИЕ ЖРЕЦА В СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ

В настоящее время среди абхазоведов существует две основные точки зрения в определении характера традиционной абхазской религии. Первая, хронологически более ранняя и, вероятно, наиболее распространенная, может быть представлена мнением известного абхазского историка и этнографа Ш. Инал-Ипа, который считал, что традиционные религиозные верования абхазов представляют собой довольно сложную систему «религиозных представлений тотемического, анимистического, магического характера. В архаических абхазских *политеистических* (курсив наш. — Ю.Б.) религиозных верованиях <...> важное значение имели покровители охоты, скотоводства, земледелия, ремесел, священные рощи, родовой культ и др.» [Инал-Ипа 1960: 337].

Вторая точка зрения, которую мы здесь приводим, принадлежит А.Б. Крылову, пришедшему к выводу о том, «что в данном случае мы имеем дело с *монотеистической* (курсив наш. — Ю.Б.) религией, центральной идеей которой является существование единого Бога-Творца (Анцэа). Анцэа бесконечно множествен в своих проявлениях, он является первоисточником всего сущего, по его воле существуют апаимбары — ангелы-хранители, обеспечивающие защиту и благоденствие отдельных ажвла (фамилий. — Ю.Б.) и абипар (патронимий. — Ю.Б.), поселковых общин и всего абхазского народа, Абхазии» [Крылов 2001, т. 2: 341].

Осуществлением религиозных практик в абхазских святилищах традиционно занимаются представители немногочисленного, но авторитетного слоя общества, которые называются «жрецами» и «молельщиками». В прошлом, согласно обычаям абхазов, жрецами и молельщиками, как правило, становились старшие представители рода [Аджинджал 1969: 238–248].

О былом значении возрастного критерия можно судить уже из того, что Ш. Инал-Ипа, говоря об общности идеологической жизни фамилии, практически не делает различия между жрецом и старейшиной. «В прошлом каждый род имел свою родовую святыню — кузню или священную рощу, куда в определенное время регулярно приносились жертвоприношения и возносились молитвы старейшиной или жрецом» [Инал-Ипа 1960: 267]. Точно так же, говоря об аныхе Лейаа рныха, он пишет, что ей служил «старик-жрец (аныхапааю), избиравшийся поселком» [Там же: 364].

Между тем А.Б. Крылов, ссылаясь на своих информантов, акцентирует внимание на отличии жрецов от молельщиков. Это разграничение основывается на выделении из общего круга святилищ семи общеабхазских святилищ, которые, с точки зрения жрецов — основных информантов А.Б. Крылова, собственно и соответствуют понятию *аныхи*. Остальные святилища подпадают в категорию так называемых *аныхырта*, которые «имеются в каждом селе и ошибочно рассматриваются разными авторами <...> как аныхи <...> Многие

<...> называли аныхами не только семь главных святилищ, но и ажиры (т.н. кузни — культовые места. — Ю.Б.), фамильные места моления и т.п.» [Крылов 2003 www.abkhaziya.org]. В связи с этим к собственно жрецам «*аныха-паау*» (*аныха* — *пааю*) должны быть отнесены жрецы основных святилищ Абхазии; по отношению к остальным правильнее использовать термин *аных-ваю* — молеельщики.

Говоря об избрании жрецов в Абхазии, приведем точку зрения Ш. Инал-Ипа, который считал, что *аныхи* возникли как святилища отдельных родов. «Дыдрыпш первоначально являлся, по-видимому, святилищем только рода Чичба, о чем свидетельствует и то, что там к присяге приводил непременно кто-нибудь из этого рода, который считался жрецом или прислужником данной “иконы” (*аныха* — *пааю*)» [Инал-Ипа 1960: 362].

В настоящее время, как отмечает А.Б. Крылов, в избрании жрецов произошло изменения: а именно, один из важных критериев — возрастной — потерял свое значение. Исследователь, в частности, отмечает, что теперь «при назначении жреца чичбовцы в первую очередь руководствуются моральными качествами претендента, а не его возрастом, который утратил свое определяющее значение» [Крылов 2001, т. 2: 195]. Говоря о причинах выдвижения на роль жреца молодых мужчин, автор приводит точку зрения на этот вопрос шакрыловцев, из среды которых выходят жрецы общеабхазского святилища Лых-ныха. По мнению представителей этого рода, «для того чтобы быть жрецом и выполнять налагаемые этой должностью нагрузки, вдобавок к обязательной “кристальной чистоте” необходимо иметь и достаточно крепкое здоровье» [Там же: 301].

Отметим, что хотел того А.Б. Крылов или нет, но в его работе прозвучало определенное противопоставление между «*аныха-паау*» (жрецами) и *аных-ваю* (молеельщиками), причем явно не в пользу последних. Так, говоря о проведении на аныхырта (рассматриваемое в данном случае как чистое место для моления) ацу-ныха — поселкового моления о даровании дождя и урожая, А.Б. Крылов отмечает, что оно проводилось «простым молеельщиком» из числа местных жителей. При этом «для назначения молеельщиком совсем не обязательно быть “кристально чистым” человеком, что является совершенно непременным качеством для абхазского жреца» [Там же: Т. 1: 166].

Избрание молеельщика на ацу-ныха не самый показательный случай, если говорить о жрецах, не попадающих в немногочисленный слой жрецов основных абхазских святилищ. Как правило, на этом празднике доминирует принцип очередности, когда представители разных фамилий, объединенных совместным проживанием в поселке («бригаде»), ежегодно сменяют друг друга на посту молеельщика. Тем не менее и здесь, как правило, принцип наличия высоких моральных качеств, как нам представляется, является актуальным. Также отметим, что ритуальная практика *аных-ваю*, совершаемая в родовой кузне или в фамильном святилище, по своей сложности или разнообразию практически не отличается от ритуальной практики жреца «*аныха-паау*». С нашей точки зрения, основное отличие заключается, пожалуй, в частоте совершаемых обрядов, но большинство практик, например таких, как наложение проклятья, очи-

стителная присяга, снятие проклятья и другие, в равной степени совершаются и в родовой кузне. Кроме того, отметим, что русские эквиваленты (жрец и молещик) на уровне терминов «разносят» «*аныха-паау*» и *аныхваю* значительно дальше друг от друга, чем эта разница существует в реальности. Во всяком случае корневое значение слова у этих терминов остается все-таки одно — аныха.

Говоря об избрании *аныхваю*, вернемся к отмеченному А.Б. Крыловым возрастному критерию, который, как он отметил, перестал быть определяющим, в отличие от принципа «кристальной чистоты». И если при избрании жреца эта тенденция окончательно утвердится, то можно констатировать, что общество поступило одним из тех качеств, которое традиционно считалось неотъемлемо присуще жрецу, а именно так называемой «чистотой», связанной с утратой в преклонном возрасте способности к физической близости с женщиной [ПМА 2008: 32].

Отметим, что причины, когда на роль жреца избирается молодой человек, могут быть различны. Подобный выбор связан, например, с такой хорошо известной тенденцией, как уход сельского населения в город. Так, жрецом одной из семейной ажир в селе Калдахвара самый младший из четырех братьев стал в силу того обстоятельства, что он единственный из всех продолжает жить в селе, ведет отцовское хозяйство и соответственно может отправлять культ в семейном святилище.

Следующей пример относится к разряду более частных и связан скорее с формальной частью избрания *аныхваю*. Молещиком одной из патронимий фамилии Дзидзария в селе Лыхны является значительно более младший по возрасту мужчина, чем его двоюродный брат, потому что ажира расположена на территории его двора.

Нам бы хотелось прокомментировать новую тенденцию снижения возрастной планки для жрецов, связав ее с другой тенденцией, проявившейся в современной Абхазии. Известно, что после войны 1992–1993 гг. в Абхазии наблюдалось явление, когда активные участники боевых действий, хорошо зарекомендовавшие себя, были выдвинуты на ключевые посты в сельских, районных и городских администрациях. И, вероятно, в известном смысле можно понять тех, кто считает, что в этой ситуации совет старейшин как неформальная общественная структура значительно утратил свои позиции во власти.

Интересно отметить, что наш случай (избрание жреца) был подчинен той же самой тенденции, что возобладала в сфере распределения административной власти. Речь идет об избрании жреца в одной из многочисленных абхазских фамилий. Приведем характеристику, данную нашим информантом действующему жрецу, которая как нельзя лучше показывает ситуацию, сложившуюся в обществе.

«Это было после войны. Лихолетье, очень тяжело. Люди в основном находят-ся... кто-то на границе (здесь имеется ввиду несение боевого дежурства на восточной границе, работа в условиях блокады на западной границе. — Ю.Б.), кто-то уехал... Нужен был молодой, энергичный, который мог объединить

фамилию. Этот парень, на войне показал себя с наилучшей стороны... Он шустрый такой... на него посмотрели... в тот момент, по всей видимости, ну-жен был такой человек» [ПМА 2008: 47–51].

Дополнительным фактором в пользу избрания молодого человека на столь ответственную роль, учитывая крайне неблагоприятные обстоятельства, было, вероятно, и то, что новый жрец по основному месту работы был начальником милиции. Немаловажное значение имело и то, что избранный принадлежал той же патронимии, к которой относился и предыдущий жрец.

В настоящее время абхазское общество уже не находится в тех сложных политических и экономических условиях, о которых речь шла выше. Как нам стало известно, у части старейшин сформировалось мнение о желательности проведения в отношении жреца ротации. Здесь следует особо подчеркнуть, что ни к нему лично, ни к тому, как он относится к своим обязанностям, у общества претензий нет. По всей вероятности речь идет о том, что те качества его характера, которые в критических условиях расценивались общественным мнением как безусловно необходимые и полезные в деле поддержания фамильной солидарности, перестают соответствовать духу времени. Так, причастность жреца к «силовому ведомству» не может не вызывать у части сельского сообщества известного чувства отторжения, так как это обстоятельство входит в противоречие с устойчивым представлением, которое традиционно связано в сельской Абхазии с фигурой жреца как фигуры политически индифферентной, объединяющей всех представителей фамилии в пространстве родовой аныхи, независимо от их взаимоотношений с официальной властью.

Очевидно, можно говорить и о том, что данный случай может демонстрировать те подводные камни (или хотя бы сам факт возможности появления проблемы), которыми чревата ситуация, когда на пост жреца избирается молодой человек, живущий насыщенной общественной жизнью. Правомерность традиционного подхода к вопросу избрания жреца, когда на этот пост не могли претендовать люди еще физически активные, «вовлеченные» в динамичную социальную жизнь, проявляется в том, что отмеченные факторы не соответствуют образу человека, достойного выполнять жреческие функции, поскольку в силу возраста и сопутствующих этому обстоятельств он еще не достиг нужной степени ритуальной чистоты и объективности.

Библиография

- Аджинджал И.А.* Из этнографии Абхазии. Материалы и исследования. Сухуми, 1969.
Инал-Ипа Ш. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1960.
Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов. М., 2001. Т. 1–2.
Крылов А. Религия современных абхазов: Реликт прамоноотеизма. 2003 // www.abkhaziya.org

ПМА 2008. Архив МАЭ РАН. К. I, оп. 2, № 1844.

ПМА 2008. Архив МАЭ РАН. К. I, оп. 2, № 1846.